

АКСЕЛЬ ПАНЦЕР

Шестнадцатый экземпляр

1. Müller
2. Haeberle
3. Haeberle
4. Haeberle
5. Haeberle
6. Haeberle
7. Haeberle
8. Haeberle
9. Haeberle
10. Haeberle
11. Haeberle
12. Haeberle
13. Haeberle
14. Haeberle
15. Haeberle
16. Haeberle
17. Haeberle

Vernehmungsprotokoll

16

Часть II

Свидетельства

Аксель Панцер Шестнадцатый экземпляр. Свидетельства

<https://litres.ru/74577728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Январь 1942 года. В Ваннзее за закрытыми дверями проходит совещание, на котором языком протоколов и ведомственных формул обсуждается судьба миллионов людей. Один из тридцати экземпляров этого документа — шестнадцатый - исчезает в недрах германских архивов.

Но история романа - не только о документе. Это история берлинской еврейской семьи Розенфельдов, отправленной в Ригу, история молодой Ханны, пытающейся сохранить имена тех, кого система превращает в безличные цифры, и история чиновника Эрнста Келлера, который слишком поздно понимает, чему служит его работа.

Историко-психологический роман о памяти, вине, свидетельстве и человеческом имени, которое оказывается сильнее протокола.

Аксель Панцер

Шестнадцатый

ЭКЗЕМПЛЯР. Свидетельства

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Историко-психологический роман

Аксель Панцер

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Главы 36–50

Содержание

Часть вторая — «Свидетельства»

Глава 36. Город без людей 1

Глава 37. Дым над Румбулой 22

Глава 38. Отбор 36

Глава 39. На запад 52

Глава 40. Книга в швах 66

Глава 41. Архивы в дороге 87

Глава 42. Уничтожить 102

Глава 43. Марш 119

Глава 44. Последняя запись Эрнста 140

Глава 45. Освобождение 155

Глава 46. После войны 178

Глава 47. Архив 197

Глава 48. Что вы знали? 215

Глава 49. Шестнадцатый экземпляр 233

Глава 50. Имена 253

Глава 36

Город без людей

Берлин, ноябрь 1943 года

После ночного налёта трамваи ходили с перебоями. Эрнст простоял на остановке почти двадцать минут, прежде чем понял, что ждать бессмысленно. На соседней улице разбирали завал, движение перекрыли, и люди расходились пешком, выбирая путь между пожарными машинами, тележками и кучами битого стекла. Он посмотрел на часы. Опаздывал. Обычно это раздражало. Сегодня — нет.

Берлин всё чаще заставлял менять привычные маршруты, и постепенно жители научились принимать это почти без возмущения. Если улица закрыта, идёшь соседней. Если дом повреждён, обходишь. Если трамвай не пришёл, идёшь пешком. Эрнст свернул в незнакомый квартал. У одного дома выбило почти все окна. Рамы затянули картоном и фанерой. Женщина в платке подметала стекло перед входом, хотя тротуар был покрыт таким количеством обломков, что её работа казалась бессмысленной.

Через дорогу мальчик тащил деревянную тележку. На ней лежали кастрюля, свёрнутое одеяло и клетка без птицы. Эрнст прошёл дальше. Он не заметил дом Розенфельдов. Обычный берлинский дом. Четыре этажа. Серый фасад. Во дворе — бельевые верёвки. У подъезда стояли два велосипеда, один без переднего колеса. В окне второго этажа висела занавеска с мелкими цветами. Эрнст даже не повернул головы. Он прошёл мимо квартиры, из которой двадцать два месяца назад вышли Исаак, Рут, Ханна и Йонас Розенфельды с двумя чемоданами.

В той квартире теперь жила другая семья. На кухне кипело молоко. На спинке стула сушились детские чулки. У окна стояла банка с геранью. Новый хозяин квартиры утром ругался, потому что опять плохо закрывалась рама. Никто на улице не мог определить по фасаду, кто жил здесь прежде. Эрнст узнал адрес только после обеда. На его стол попала старая имущественная папка.

Такие дела всё ещё всплывали: счета, уточнения, закрытие старых претензий, переписка между финансовыми ведомствами. Иногда требовалось подтвердить, что имущество конкретного депортированного человека было учтено, квартира освобождена, задолженность закрыта. Фрау Шмидт положила папку на край стола.

— Это вам.

— Что там?

— Старое дело. Нужно проверить адрес с приложением.

Эрнст раскрыл. Первая фамилия ничего не сказала. Вторая тоже. На третьей рука остановилась. Rosenfeld, Isaak. Он выпрямился. Фрау Шмидт заметила.

— Что?

— Розенфельд.

— Какой?

— Исаак.

Она подошла.

— Тот самый?

Эрнст перелистнул страницу. Берлин. Возраст. Профессия. Бывшая типография. Состав семьи. Ehefrau Ruth. Tochter Hanna. Sohn Jonas. Он впервые увидел имя Ханны в официальном документе. Прочитал ещё раз. Hanna. Семнадцать лет на момент депортации. Эрнст почувствовал неприятную тяжесть. Раньше у него был Йонас. Десять лет. Фамилия из транспортного списка. Теперь рядом появились остальные. Фрау Шмидт указала на строку:

— Адрес.

Эрнст посмотрел. Несколько секунд ему понадобилось, чтобы понять, почему улица кажется знакомой. Потом вспомнил утро. Перекрытый маршрут. Дом с двумя велосипедами. Цветастая занавеска. Он достал блокнот, в котором обычно записывал служебные поручения. Сверил.

— Я сегодня там проходил.

— Где?

— По этой улице.

— И что?

— Ничего.

— Дом видели?

— Наверное.

Она пожала плечами.

— В Берлине много домов.

Эрнст продолжал читать. Опись имущества была подробной. Стол. Четыре стула. Шкаф. Кровать. Кухонная утварь. Книги — количество. Одежда. Небольшая сумма наличных. Часть вещей передана на реализацию. Часть оценена. Квартира освобождена. Дата. Эрнст медленно провёл пальцем по строкам.

— Здесь была семья.

Фрау Шмидт ответила:

— В каждой такой папке была.

Он поднял глаза. Она сразу поняла, как прозвучало.

— Простите.

— Нет. Вы правы.

В приложении нашлась ещё одна запись. Несколько предметов мебели реализованы. Часть домашнего имущества передана через соответствующие службы. Квартира подготовлена для последующего заселения. Эрнст закрыл папку.

— Что нужно проверить?

— Адрес в основном документе и приложении.

Он сравнил. Совпадал. Поставил отметку. Вся работа заняла меньше минуты.

— Вы пойдёте туда, — сказала фрау Шмидт.

Это не было вопросом. Эрнст посмотрел.

— Зачем?

— Именно поэтому.

— У меня нет причины.

— Вы уже придумали три.

— Какие?

— Проходили сегодня. Знаете фамилию. И теперь будете думать о доме до вечера.

Он помолчал.

— Не пойду.

— Хорошо.

Фрау Шмидт вернулась к машинке. Через час Эрнст спросил:

— Сегодня вы заняты после работы?

Она не подняла головы.

— Нет.

— Хотите пройтись?

Теперь она посмотрела.

— Конечно.

Они пришли на улицу после пяти. Уже темнело. Из-за режима затемнения окна почти не давали света, но город всё равно жил: хлопали подъездные двери, кто-то тащил уголь, женщина звала ребёнка со двора. Эрнст остановился напротив нужного номера.

— Этот?

Фрау Шмидт сверила адрес, который он записал.

— Да.

Они стояли на противоположной стороне. Дом выглядел настолько обыкновенно, что Эрнст почувствовал разочарование. Он сам не знал, чего ожидал. Заколоченной двери? Пустых окон? Какого-нибудь следа? На втором этаже за плохо прикрытой шторой двигалась женщина. Потом появился мальчик. Подошёл к окну, ладонью стёр запотевший круг и посмотрел на улицу. Эрнст машинально отвернулся.

— Что? — спросила фрау Шмидт.

— Ничего.

— Это их квартира?

— Не знаю.

В деле был номер. Он посмотрел на этажи.

— Кажется, второй.

— И что теперь?

— Ничего.

Фрау Шмидт вздохнула.

— Мы пришли через полгорода ради вашего любимого слова.

Они перешли улицу. На дверях подъезда висели фамилии жильцов. Розенфельда не было. Эрнст не удивился. Вместо него напротив нужного номера стояла другая фамилия. Krause. Он прочитал.

— Краузе.

— Видела.

— Всё.

— Видимо.

Они уже собирались уходить, когда дверь открылась. Из подъезда вышла женщина лет пятидесяти с корзиной. Увидела их.

— Вы кого-то ищете?

Эрнст машинально ответил:

— Нет.

Фрау Шмидт посмотрела на него. Женщина собиралась пройти мимо. Эрнст неожиданно спросил:

— Простите. Здесь раньше жили Розенфельды?

Она остановилась. Лицо изменилось едва заметно.

— Какие Розенфельды?

— Исаак и Рут.

Женщина крепче взяла корзину.

— А вы кто?

— Я...

Он замялся. Сказать «из министерства» означало почти наверняка закончить разговор.

— Я видел их фамилию в старом документе.

Женщина посмотрела на фрау Шмидт. Потом снова на него.

— Зачем вам?

— Хотел узнать, действительно ли они жили здесь.

— Жили.

— Вы их знали?

— Да.

Пауза.

— Я Майер. Соседка.

Эрнст почувствовал, что фамилия знакома. Не мог вспомнить откуда.

— Фрау Майер?

— Да.

Она всё ещё была насторожена.

— С ними что-то случилось?

Вопрос был таким неожиданным, что Эрнст сначала не понял.

— Вы не знаете?

— Что именно?

— Их депортировали.

Фрау Майер посмотрела на него почти сердито.

— Конечно, знаю.

Она переставила корзину в другую руку.

— Я спрашиваю, случилось ли что-нибудь новое.

— Нет.

Эрнст почувствовал себя глупо.

— Простите.

— Я подумала, может, вы что-то знаете.

— Нет.

На этот раз слово прозвучало особенно тяжело. Фрау Майер несколько секунд разглядывала их.

— Вы действительно из министерства?

Эрнст удивился.

— Откуда...

— Видно.

Фрау Шмидт почти улыбнулась.

— Настолько?

— Хорошее пальто. Портфель. Разговариваете так, будто каждое слово потом положат в папку.

Эрнст смутился.

— Министерство иностранных дел.

Фрау Майер сразу напряглась.

— Тогда зачем спрашиваете о Розенфельдах?

— Их дело попало ко мне сегодня.

— Дело.

Она повторила это без выражения.

— Конечно.

Эрнст не стал объяснять. В подъезде послышались шаги. Мальчик выбежал наружу. Тот самый, которого Эрнст видел в окне. Лет девять. Он остановился возле фрау Майер.

— Фрау Майер, мама спрашивает, у вас есть соль?

— Скажи, принесу.

Мальчик посмотрел на незнакомых взрослых и убежал обратно. Фрау Майер проводила его взглядом.

— Краузе.

— Новые жильцы? — спросила фрау Шмидт.

— Уже не новые. Больше года.

— Они знают?

Фрау Майер посмотрела.

— Что?

— Кто жил раньше.

— Не знаю.

Она помолчала.

— Думаю, знают.

Эрнст спросил:

— Квартира была пустой, когда они въехали?

— Почти.

— Почти?

Фрау Майер усмехнулась.

— Вы всё хотите точно.

— Да.

— Тогда точно не скажу. После Розенфельдов приходили люди. Делали опись. Выносили мебель. Что-то осталось на время. Потом всё исчезло.

— Кто выносил?

— Разные.

— Чиновники?

— Рабочие.

Она пожала плечами.

— Какая разница?

Эрнст хотел сказать, что для документа разница есть. Не сказал.

— Вы видели, как Розенфельды уезжали?

Фрау Майер посмотрела на него внимательно.

— Видела.

— Когда?

— В январе сорок второго.

— Двадцать пятого?

— Возможно. Я даты не записывала.

Эрнст кивнул.

— Что?

— Ничего.

— Вы знаете дату?

— Их транспорт ушёл двадцать пятого января.

Фрау Майер побледнела.

— В Ригу.

— Да.

— Значит, вы знаете.

— Только по документам.

Она смотрела несколько секунд.

— А что там было?

— Где?

— В Риге.

Эрнст почувствовал, как фрау Шмидт рядом напряглась.

— Я не знаю судьбу семьи.

— Я не спрашиваю только о семье.

Он понял. На улице становилось холоднее. Фрау Майер стояла с корзиной и ждала. Эрнст мог сказать правду полностью? Что слышал о Румбуле. Что видел бумаги о ликвидации гетто. Что знал о Кайзервальде. Что не мог связать ни

один из этих фактов с конкретными Розенфельдами.

— Рижское гетто ликвидировали, — сказал он наконец.
— Часть трудоспособных заключённых перевели в лагеря. В том числе Кайзервальд.

— А остальные?

Эрнст помолчал.

— У меня нет точных сведений по конкретным людям.

Фрау Майер поняла ответ. Не весь. Достаточно. Она посмотрела на окна дома.

— Рут написала бы.

— Вы ждали письмо?

— Конечно.

— Приходило?

— Нет.

Потом добавила:

— Я сама писала.

Эрнст сразу вспомнил. Возвращённые письма. Рига. Адрес без улицы. Сотни конвертов, которые проходили через разные ведомства.

— Вам вернули?

— Через несколько месяцев.

— У вас оно осталось?

Фрау Майер посмотрела настороженно.

— Почему спрашиваете?

— Просто.

Она усмехнулась.

— Теперь вы говорите как обычный человек.

— Простите.

— Осталось.

Она не стала объяснять больше. Эрнст не спрашивал.

— Какими они были? — спросила вдруг фрау Шмидт.

Эрнст повернулся. Фрау Майер тоже удивилась.

— Кто?

— Розенфельды.

Женщина задумалась.

— Обычными.

Ответ прозвучал почти резко.

— Исаак держал типографию. Маленькую. Потом её отняли. Рут всегда здоровалась первой, даже если была сердита. Ханна читала всё подряд. Иногда шла по лестнице с книгой и однажды чуть не сбила меня.

Фрау Майер улыбнулась.

— А мальчик...

— Йонас, — сказал Эрнст.

Она посмотрела.

— Да. Йонас.

Теперь фамилия из списка получила голос соседки.

— Он шумный был. Всё время что-то строил. У него поезд был деревянный.

Эрнст застыл.

— Поезд?

— Да.

— Сколько вагонов?

Фрау Майер нахмурилась.

— Что?

— Простите. Неважно.

Но она уже вспоминала.

— Кажется, два.

Эрнст почувствовал, как по спине прошёл холод. Два вагона. Он не знал, откуда это ощущение узнавания. В его собственных документах игрушки не было. Только мальчик, десять лет, Берлин.

— Одно колесо всё время отваливалось, — продолжила фрау Майер. — Исаак чинил.

Эрнст ничего не сказал. Фрау Майер посмотрела на окна второго этажа.

— Они не были необыкновенными людьми.

Фрау Шмидт ответила:

— Наверное, поэтому и важно спрашивать.

Женщина перевела взгляд на неё.

— Может быть.

Из дома снова выбежал мальчик Краузе.

— Фрау Майер!

— Сейчас.

Она повернулась к Эрнсту.

— Мне нужно идти.

— Конечно.

— Вы что-нибудь узнаете?

Вопрос прозвучал осторожно.

— О Розенфельдах?

— Да.

Эрнст не хотел обещать.

— Если увижу достоверные сведения.

— Вы придёте?

Он посмотрел на подъезд.

— Да.

— Хорошо.

Она ушла. Эрнст и фрау Шмидт остались у дома. Мальчик Краузе опять появился в окне. Теперь держал ложку. Заметил их и помахал. Фрау Шмидт подняла руку в ответ. Эрнст не смог.

— Что с вами? — спросила она.

— Ничего.

— Я была рядом весь разговор.

— Знаю.

— Поезд?

Он посмотрел.

— В деле Йонаса ничего про поезд не было.

— Тогда почему спросили про вагоны?

— Не знаю.

Фрау Шмидт ждала. Эрнст покачал головой.

— Просто представил.

По дороге обратно они почти не разговаривали. В одном квартале пришлось обходить свежий завал. Часть фасада ле-

жала на улице. Сквозь пролом в доме была видна комната третьего этажа. Обои. Кровать. Картина на стене. Комната существовала, а наружной стены больше не было. Фрау Шмидт посмотрела вверх.

— Странно.

— Что?

— Пока стены есть, кажется, будто дом хранит жизнь людей.

Она указала.

— А потом одна стена падает, и видно, что там просто мебель.

Эрнст ничего не ответил. Он не хотел превращать сегодняшний вечер в цепочку выводов. Они пошли дальше. Дома Грета спросила:

— Где был?

— На старом адресе одной семьи.

Она поставила тарелку.

— Какой?

— Розенфельды.

Грета вспомнила фамилию.

— Мальчик из твоей книжки?

— Да.

— Нашёл что-нибудь?

— Соседку.

Он рассказал. Про типографию. Про Рут. Про Ханну. Про Йонаса. Про деревянный поезд. Вилли сидел рядом и ел суп.

При слове «поезд» поднял голову.

— Какой?

Грета посмотрела на Эрнста. Он ответил:

— Деревянный.

— Большой?

— Наверное, маленький.

— С вагонами?

— С двумя.

— У меня три.

Вилли говорил совершенно спокойно.

— Но один короткий.

Эрнст почувствовал, как Грета смотрит на него.

— Ешь, — сказала она сыну.

— Я ем.

Позже, когда Вилли ушёл, Грета спросила:

— Ты знал про поезд?

— Нет.

— Тогда почему это так на тебя подействовало?

Эрнст сидел у печи.

— Потому что до сегодня Йонас был для меня строкой.

— А теперь?

— Мальчик, у которого был деревянный поезд.

Грета некоторое время молчала.

— Это лучше?

Он подумал.

— Не знаю.

В записной книжке Эрнст открыл старую страницу: Jonas Rosenfeld, 10 Jahre, Berlin. Под ней: Имя из списка январского транспорта. Больше ничего о нём не знаю. Теперь дописал: По словам бывшей соседки фрау Майер: шумный, любил строить, имел деревянный поезд с двумя вагонами. Отец чинил колесо. Потом нашёл свободное место и записал остальных.

Isaak Rosenfeld — печатник.

Ruth Rosenfeld — жена.

Hanna Rosenfeld — дочь, на момент депортации 17 лет, много читала.

Он остановился. Теперь семья впервые находилась в его книжке вместе. На следующий день Эрнст снова открыл имущественное дело. Фрау Шмидт заметила.

— Что ищете?

— Книги.

— Какие?

— В описи.

Он нашёл. Количество не совпадало с тем, что ожидал.

— Тридцать четыре.

— И?

— Ничего.

— Опять.

Эрнст улыбнулся.

— Фрау Майер сказала, Ханна много читала.

— Тридцать четыре книги вполне достаточно.

— Возможно.

Он вспомнил старые бумаги, где Исаак указывал количество книг. Тогда это была просто цифра. Теперь он представил Ханну на лестнице с книгой в руках. Фрау Шмидт ли- стала другое приложение.

— Здесь мебель.

— Вижу.

— Всё продано?

— Не всё.

— Часть передали.

— Да.

Она постучала пальцем по строке.

— Интересно кому.

Эрнст посмотрел.

— Мы не узнаем.

— А если узнаем?

— Что изменится?

Фрау Шмидт пожала плечами.

— Ничего.

Они оба заметили слово. На этот раз не стали улыбаться. Через несколько дней Эрнст снова проходил по той улице. Не специально. По крайней мере так он сказал себе. У подъ- езда стояла фрау Майер.

— Господин из министерства.

— Келлер.

— Я помню.

— Эрнст Келлер.

— Хорошо.

Она держала небольшой свёрток.

— Что это?

— Не вам.

— Я не спрашивал.

— Спросили глазами.

Эрнст улыбнулся. Фрау Майер посмотрела на дом.

— Краузе получили новые вещи.

— Какие?

— После налёта у родственников дом разбомбило. Им передали мебель и одежду.

Эрнст ничего не сказал. Она добавила:

— Не Розенфельдовскую. Насколько знаю.

Он понял, почему она уточнила.

— Вы их вините? — спросил Эрнст.

— Кого?

— Новых жильцов.

Фрау Майер задумалась.

— Иногда.

— За что?

— За то, что живут.

Она сразу поморщилась.

— Глупо.

— Не обязательно.

— Они не вывозили Розенфельдов.

— Да.

— Им дали квартиру. Они въехали.

Она посмотрела на окна.

— Женщина Краузе потеряла брата на фронте. Их прежний дом повредило. Мальчик хороший.

Эрнст кивнул.

— Тогда почему вините?

— Потому что иногда слышу его шаги над головой и на секунду думаю, что это Йонас.

Она крепче сжала свёрток.

— Потом вспоминаю.

Эрнст не нашёл ответа. Фрау Майер спросила:

— У вас есть дети?

— Сын.

— Сколько?

— Восемь.

— Почти как Йонас тогда.

— Да.

— Поезда любит?

Эрнст удивился.

— Да.

Она кивнула, будто ожидала.

— Мальчики.

Эрнст хотел сказать, что не все мальчики любят поезда. Не стал. В этот вечер он не делал новых записей. Долго сидел у окна. Берлин за стеклом был тёмным. Где-то далеко

работала зенитная артиллерия. Несколько раз слышался глухой звук взрывов, но тревогу пока не объявляли. Грета читала. Вилли спал. Эрнст думал о квартире Розенфельдов. Там тоже когда-то кто-то читал вечером. Кто-то ругал ребёнка. Кто-то оставлял посуду на столе.

Потом семья исчезла, но квартира не исчезла. Это различие беспокоило. В следующие недели он начал замечать такие дома повсюду. Раньше они ничем не отличались. Теперь почти каждая закрытая дверь заставляла его думать: кто жил здесь раньше? У одного магазина сменилась вывеска. Он помнил прежнюю фамилию — еврейскую. Не знал владельца. В другом доме фамилия на звонке была стёрта, поверх прикреплена новая карточка. Во дворе дети играли среди вещей, происхождение которых никто не обсуждал.

Но Эрнст не превращал каждую встречу в расследование. Это было невозможно. Город слишком велик. Пустот было слишком много. Однажды фрау Шмидт сказала:

— Вы стали смотреть на таблички.

— Какие?

— На дверях.

— Возможно.

— Зачем?

— Не знаю.

Она улыбнулась.

— Всё ещё ваш главный ответ.

Эрнст пожал плечами.

— Иногда вижу новую фамилию и думаю, какая была раньше.

— И?

— Обычно не узнаю.

— Может, так лучше.

Он посмотрел.

— Почему?

Фрау Шмидт некоторое время молчала.

— Потому что иначе город перестанет быть местом, где можно жить.

— А он сейчас такой?

Она не ответила. В Кайзервальде Ханна в это время вспоминала тот же город иначе. Сара уже несколько недель находилась в лагере. Иногда им удавалось встретиться. Однажды разговор зашёл о Берлине.

— Я была там один раз, — сказала Сара.

— Когда?

— До войны.

— Где?

— Недолго. Муж покупал детали для часов.

Ханна оживилась.

— Вам понравилось?

Сара подумала.

— Слишком большой.

— Он не слишком большой.

— Конечно. Ты же берлинка.

— Какой район?

Сара назвала. Ханна знала. Они начали вспоминать улицы. Магазины. Станции. Парк. Эстер слушала и сказала:

— Вы говорите так, будто завтра туда поедете.

Ханна посмотрела.

— А почему нет?

Эстер не ответила. Позднее Ханна достала часть семейных страниц. Записала адрес. Полностью. Улица. Дом. Квартира. Она знала его наизусть, но почему-то захотела увидеть написанным. Лотта спросила:

— Думаешь, дом ещё стоит?

— Конечно.

— Откуда знаешь? Берлин бомбят.

Ханна замерла. Она старалась не думать об этом.

— Стоит.

— Хорошо.

Лотта поняла, что спорить не нужно.

— Тогда стоит.

Ханна написала: Дом в Берлине. Потом зачеркнула. Слишком мало. Написала адрес. Рядом: Там жили Исаак, Рут, Ханна и Йонас Розенфельды до января 1942 года. Она перечитала. Это было точнее. Не «наш дом». Потому что теперь Ханна не знала, чей он. Но когда-то там жили они.

В Берлине Эрнст в тот же месяц снова прошёл мимо. На окне второго этажа стояла герань. Мальчик Краузе рисовал пальцем по запотевшему стеклу. Эрнст не остановился. Те-

перь он знал, что находится за этими окнами. Не мебель Розенфельдов. Не семья Розенфельдов. Другая жизнь. Он пошёл дальше к остановке. Город не был пустым. Наоборот. В нём было слишком много людей, машин, очередей, разрушенных домов, новых жильцов, солдат, беженцев от бомбардировок, детей.

Но некоторых жителей больше не было.

И город научился заполнять освободившиеся места так быстро, что прохожему трудно было заметить отсутствие. Эрнст заметил только потому, что одна фамилия однажды попала к нему на стол.

Глава 37

Дым над Румбулой

Рига — Кайзервальд, 1944 год

О Румбуле снова заговорили весной. Сначала Ханна услышала только название. Женщина из другой рабочей команды пришла в мастерскую за починенной одеждой и, ожидая у двери, сказала кому-то:

— Там опять работают.

Ханна подняла голову.

— Где?

Женщина посмотрела настороженно.

— Нигде.

— Вы сказали «там».

— Тебе слышалось.

Она забрала вещи и ушла. Ханна проводила её взглядом. Лотта продолжала шить.

— Не ходи за ней.

— Я и не собиралась.

— Собиралась.

— Нет.

— У тебя лицо такое.

— Какое?

— Будто сейчас начнёшь задавать десять вопросов.

Ханна опустила глаза к ткани.

— Я спросила один.

— Пока.

Через два дня название прозвучало снова. На этот раз от мужчины из внешней рабочей команды. Он говорил с одним из заключённых возле хозяйственного помещения, не замечая Ханну.

— Румбула.

— Уверен?

— Да.

— Что там?

Мужчина оглянулся. Ханна сразу отвернулась. Разговор оборвался. Когда мужчины разошлись, она подошла к тому, кто остался.

— Простите.

Он посмотрел раздражённо.

— Что?

— Вы говорили про Румбулу.

Лицо изменилось.

— Я ничего не говорил.

— Я слышала.

— Тогда забудь.

— Почему?

— Потому что хочешь жить.

Ханна не отступила.

— Там моя...

Она хотела сказать семья. Но это было неточно. Она не знала, была ли её семья в Румбуле. Сара знала о своей.

— Там погибли люди, которых я знаю.

Мужчина долго смотрел.

— Здесь у всех там кто-нибудь погиб.

И ушёл. Вечером Ханна нашла Сару. После перевода из гетто они виделись не каждый день. Рабочие группы расходились по разным местам, иногда встречи удавалось устроить только раз в неделю. Сегодня Сара сидела у стены барака и штопала носок.

— Опять Румбула, — сказала Ханна.

Игла остановилась.

— Что?

— Говорят, там работают.

Сара медленно положила носок на колени.

— Кто говорит?

— Люди из внешних команд.

— Что делают?

— Не знаю.

Сара посмотрела на неё.

— Тогда зачем пришла?

— Хотела спросить, слышали ли вы.

Сара молчала. Потом кивнула.

— Слышала.

— Что именно?

— Что открывают могилы.

Ханна не сразу поняла.

— Какие могилы?

Сара посмотрела так, что вопрос стал ненужным. Ханна села рядом.

— Кто сказал?

— Женщина из команды, которая работает за пределами лагеря.

— Она видела?

— Нет. Ей рассказал мужчина, который ездил с грузом.

— Он видел?

— Она говорит, что да.

Ханна раздражённо выдохнула.

— Получается третий человек.

— Да.

— Тогда это может быть слух.

— Может.

Сара снова взяла носок.

— Но я ему верю.

— Почему?

Сара долго пыталась попасть ниткой в ушко иглы. Не получилось. Ханна забрала иглу и вдёрнула нитку сама.

— Потому что они уже делали это в других местах, — сказала Сара. — Люди говорят давно.

— Что именно?

— Выкапывают тела. Жгут.

Ханна вернула иглу. Сара не сразу взяла.

— Чтобы ничего не осталось.

Ханна не записала. Не вечером. Не на следующий день. Она продолжала спрашивать. Осторожнее, чем раньше. Не называла Румбулу первой. Спрашивала о внешних работах. О дорогах. О грузовиках. О том, куда возят мужчин. Некоторые ничего не знали. Другие сразу замыкались. Один заключённый сказал:

— Лучше не спрашивай.

— Почему все это повторяют?

— Потому что это хороший совет.

— Для кого?

— Для тебя.

Неделю спустя в лагерь вернулась небольшая группа после работы вне основной территории. Один мужчина был знаком Эстер. Она позвала его вечером.

— Это Ханна.

— И?

— Она спрашивает про Румбулу.

Он резко посмотрел.

— Зачем ты меня в это втягиваешь?

Эстер ответила:

— Потому что ты сам говорил, что видел дым.

Ханна сразу спросила:

— Где?

Мужчина выругался.

— Вот поэтому я и не хотел.

— Простите.

Он оглянулся. Сел на край нар.

— Я не был у могил.

— Хорошо.

— Даже близко.

— Хорошо.

— Нас везли по дороге. Далеко.

— И?

— Дым.

— Откуда?

— Со стороны леса.

— Вы уверены, что это была Румбула?

— Нет.

Ханна кивнула. Такой ответ она уважала больше всего.

— Что ещё?

— Запах.

Мужчина замолчал. Эстер отвернулась. Ханна спросила:

— Какой?

Он посмотрел на неё.

— Не надо.

Она больше не спрашивала. После его ухода Эстер сказала:

— Достаточно?

— Нет.

— Конечно.

— Он сам сказал, что не уверен.

— А ты чего хочешь? Табличку?

Ханна резко посмотрела. Эстер устало потерла лицо.

— Прости.

— Ничего.

— Ты всё время пытаешься получить точность там, где её специально уничтожают.

Ханна ничего не ответила. Фраза была слишком близка к правде. Через несколько дней Сара принесла новую информацию.

— Двое говорят одно и то же.

— Кто?

— Мужчины из разных команд.

— Видели сами?

— Один — только дым и машины. Второй говорит, что его команда работала неподалёку. Видел заключённых под охраной.

— Что они делали?

— Не подошёл близко.

Ханна ждала.

— Но говорит, что из земли вытаскивали останки.

— Он видел?

— Да.

— Сам?

— По его словам.

Ханна села. Сара смотрела на неё.

— Теперь запишешь?

— Не знаю.

— Что ещё тебе нужно?

Ханна ответила не сразу.

— Чтобы не сделать слух фактом.

Сара кивнула.

— Тогда так и напиши.

В тот вечер Ханна достала небольшой лист. Лотта сидела рядом. Сара — напротив. Эстер следила за проходом. Ханна написала:

1944 год. От нескольких заключённых получила сведения, что в районе Румбулы под охраной ведутся работы у масовых захоронений. По их словам, тела извлекают и сжигают. Сама не видела.

Она остановилась. Сара читала через её плечо.

— И всё?

— Что ещё?

Сара посмотрела на лист.

— Там мои.

Ханна поняла.

— Давид?

— Да.

— Мирьям.

— Да.

— Арон.

— Да.

Ханна уже записывала их раньше. Но сейчас написала снова: Давид Вайнберг. Мирьям Вайнберг. Арон Вайнберг. Сара смотрела.

— Спасибо.

Следующим утром Ханна пожалела. Не о фамилиях. О самой записи. Если найдут страницы, упоминание Румбулы могло быть опаснее списка имён.

— Нужно убрать, — сказала она.

Лотта удивилась.

— Что?

— Запись про могилы.

— Почему?

— Это не просто имена.

— А что?

— То, что они пытаются скрыть.

Эстер сказала:

— Тогда тем более стоит оставить.

— Если из-за неё найдут всё?

Никто не ответил. Ханна достала лист. Долго смотрела. Потом разорвала пополам. Сара резко сказала:

— Ханна.

— Подождите.

Она не уничтожила. Одну половину отдала Саре. Другую оставила себе.

— Зачем?

— Если найдут одну, там не будет всего.

Сара посмотрела. На её половине остались имена.

На Ханниной — сведения о Румбуле.

— А если мы больше не увидимся?

Ханна ответила:

— Тогда хотя бы что-то останется у каждой.

Сара спрятала свой кусок. Летом дым стал частью слухов о Риге. Не постоянный. Не видимый каждый день. Кто-то утверждал, что его видно за городом. Другие говорили, что ничего не замечали. Одни описывали запах. Другие смеялись над этим. Ханна перестала пытаться соединить всё в один рассказ. Она записывала только то, что имело источник. Такой-то видел. Такая-то слышала от мужа. Самой неизвестно. Книга становилась похожа не на дневник, а на собрание показаний, которые ещё предстояло проверить.

Однажды им действительно пришлось ехать на работу через часть города. Машина была закрыта не полностью, и Ханна видела Ригу между деревянными бортами. Дома. Перекрёстки. Трамвай. Людей. Потом город стал реже. За кры-

шами на юго-востоке висела широкая полоса тёмного дыма. Ханна смотрела. Лотта заметила.

— Это оно?

— Не знаю.

— Похоже.

— Не знаю.

Охранник ударил по борту.

— Сесть!

Они пригнулись. Ханна больше не видела неба. Вечером она могла бы записать: Видела дым над Румбулой. Не записала. Она не знала, был ли дым оттуда. Вместо этого написала:

Во время выезда из лагеря видела дым в юго-восточном направлении. Источник не установлен. Лотта прочитала.

— Ты однажды умрёшь от собственной точности.

Ханна посмотрела.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь.

Потом Лотта добавила:

— Но правильно.

В Берлине Эрнст впервые встретил формулировки об уничтожении следов гораздо осторожнее. Не было документа с заголовком «уничтожить доказательства массовых убийств». Были другие слова. Работы. Особые мероприятия. Расчистка. Санитарные меры. Изменение назначения территорий. Эрнст уже слишком хорошо знал, что нейтральные

выражения сами по себе ничего не доказывают. Но теперь он читал их иначе. Фрау Шмидт подошла к столу.

— Опять Рига?

— Да.

— Что теперь?

— Не уверен.

Она посмотрела документ.

— Тогда не придумывайте.

— Не собираюсь.

Он закрыл папку. Через несколько дней появилась справка, в которой упоминались специальные команды, использовавшиеся на территориях прежних расстрелов. Без описания работы. Эрнст переписал название. Проверил в другом документе. Потом в третьем. Наконец спросил у сотрудника, который раньше служил на Востоке:

— Что значит эта команда?

Мужчина посмотрел.

— Какая?

Эрнст показал. Лицо изменилось.

— Зачем вам?

— Встречается в переписке.

— Тогда читайте переписку.

— Там не объясняется.

— Значит, вам не нужно знать.

Эрнст понял, что дальнейшие вопросы будут замечены. Ушёл. Фрау Шмидт ждала.

— И?

— Ничего.

— Не сказали?

— Нет.

Он помолчал.

— Но выражение лица было достаточно красноречивым.

— Это не документ.

— Знаю.

Дома Грета увидела, что он опять пишет.

— Что на этот раз?

— Возможно, уничтожают следы.

Она остановилась.

— Какие следы?

— Массовых захоронений.

Грета медленно села.

— Ты уверен?

— Нет.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что пытаюсь понять.

Он объяснил. Без подробностей. Про специальные команды. Про Восток. Про Ригу. Про осторожные формулировки. Грета слушала.

— А зачем уничтожать могилы?

Эрнст посмотрел на неё. Ответ был слишком очевиден. Она сама поняла.

— Значит, знают.

— Что?

— Что однажды придётся объяснять.

Он не ответил. Эту фразу Эрнст тоже не записал. Не потому, что считал неверной. Потому что это был вывод. Ему всё больше хотелось оставлять в книжке только то, что сможет объяснить другому человеку. Он написал:

1944. В служебной переписке встречаются упоминания специальных работ и команд на территориях массовых расстрелов на Востоке. Точного содержания документов у меня нет. Один сотрудник отказался объяснять назначение команды.

Потом добавил: Следует проверить после войны, если это будет возможно. Слово после теперь звучало почти как отдельная страна. В Кайзервальде Сара всё чаще говорила о Румбуле. Не о том, что происходило там сейчас. О семье. Давид однажды сломал часы соседки и три недели бесплатно их ремонтировал, хотя вина была не его. Мирьям плохо танцевала, но считала себя лучшей танцовщицей Риги. Арон боялся собак и всегда переходил улицу, если видел даже маленькую.

Ханна уже знала эти истории. Но слушала снова. Иногда Сара повторялась. Ханна не поправляла.

— Я боюсь забыть его голос, — сказала Сара однажды.

— Давида?

— Всех.

— Я тоже.

— Йонаса?

— Больше всего.

Сара посмотрела.

— Тогда расскажи.

И Ханна рассказывала. Про поезд. Про хлебные корки. Про мяч и разбитое окно. Про то, как он шевелил губами, когда читал. Сара слушала. Потом сказала:

— Теперь я тоже помню.

Ханна улыбнулась.

— Вы его никогда не видели.

— Неважно.

Она не стала спорить. Летом ситуация в Кайзервальде менялась. Фронт приближался. Это чувствовалось не по картам — карт не было. По охране. По разговорам. По движению грузов. По тому, как чаще стали перепроверять списки. По исчезновению некоторых рабочих команд. По нервозности начальства. Заключённые говорили о Красной армии. Кто-то утверждал, что она уже близко. Другие предупреждали:

— Не радуйтесь. Если немцы уйдут, нас с собой заберут.

Эстер сказала:

— Вот это я как раз допускаю.

Ханна посмотрела.

— Куда?

— На запад.

— Почему?

— Чтобы мы не остались здесь.

Сара добавила:

— И чтобы не рассказывали.

Никто не продолжил. После очередного слуха о Румбуле Ханна достала свои страницы. Разложила те, что были у неё. Некоторые фамилии едва читались. Карандаш стёрся на сгибах. Она обвела Йонаса. Потом мать. Отца. Лотта увидела.

— Зачем?

— Чтобы не исчезло.

— Не исчезнет.

— Уже исчезает.

Она показала буквы. Лотта села рядом и помогла переписать несколько строк на новый клочок.

— Что со старым?

— Оставлю.

— Зачем два?

— Если один потеряется.

Лотта не спорила. Сара дала Ханне свою половину разорванного листа.

— Возьми обратно.

— Почему?

— Если начнут переводить, мы можем оказаться в разных группах.

— Поэтому лучше у вас.

— Нет.

— Почему?

Сара посмотрела.

— Потому что там мои дети.

Ханна поняла. Сара не хотела потерять имена. Но ещё больше не хотела, чтобы они исчезли вместе с ней. Ханна взяла. Теперь лист снова был целым только в памяти. Две половины не соединялись физически: край одной уже начал крошиться. Она спрятала обе отдельно.

Осенью фронт подошёл ещё ближе. Однажды вечером в бараке слышали далёкий гул. Кто-то сказал:

— Артиллерия.

Кто-то возразил:

— Гроза.

Лотта прислушалась.

— Какая гроза осенью?

Эстер сказала:

— Здесь всё может быть.

Ханна вышла взглядом к маленькому окну. Небо было тёмным. Румбулу отсюда не было видно. Но теперь она знала: где-то за городом люди пытались уничтожить то, что лежало в земле почти три года. Могилы можно было вскрыть. Тела — сжечь. Пепел — рассеять. Землю — разровнять. Она не записала эту последовательность. Слишком много в ней было того, чего сама не видела. Вместо этого на свободном краю страницы написала: Румбула. Проверить свидетельства, если останусь жива.

Потом сложила лист. Утром снова нужно было идти на

построение.

Глава 38

Отбор

Кайзервальд, лето 1944 года

О селекции узнали накануне вечером. Не из приказа. В барак вернулась женщина из хозяйственной команды и почти сразу сказала Эстер:

— Завтра комиссия.

Эстер перестала складывать одеяло.

— Откуда знаешь?

— Во дворе поставили столы. В мужском лагере уже начали.

— Медицинская?

Женщина кивнула.

— Говорят, смотрят, кто ещё годен к работе.

Разговор услышали другие. Через несколько минут новость уже шла от нар к нарам. Комиссия. Отбор. Завтра. Лотта сидела рядом с Ханной и штопала рукав.

— Что значит «годен»?

Ханна ничего не ответила. Все понимали. Ночью почти никто не спал. Женщины разговаривали шёпотом, будто тишина могла отложить утро. Кто-то советовал растереть щёки, чтобы лицо казалось здоровее. Кто-то пытался выпрямить спину. Одна пожилая женщина долго ходила между нарами, заставляя себя не хромать. Другая прятала кашель в

одеяло. Эстер смотрела на всё это молча. Ханна подошла к Ребекке. Та сидела на нижних нарах и разминала больное колено.

— Как нога?

— Великолепно.

— Ребекка.

— Что?

— Я серьёзно.

— И я.

Она попыталась встать. Лицо сразу изменилось. Боль всё-таки была сильной. Ханна поддержала её.

— Завтра нельзя так.

— Я знаю.

— Нужно идти ровно.

— Спасибо, доктор.

— Не шутите.

Ребекка опёрлась на её руку.

— Ханна, если я перестану шутить, колено здоровее не станет.

Лотта подошла.

— Можно перетянуть тканью.

— Что?

— Колено. Чтобы держалось.

Эстер услышала.

— Нельзя сильно. Увидят повязку — заинтересуются.

— Тогда под одеждой.

— И что это даст?

— Может быть, меньше будет болеть.

Ребекка посмотрела на троих женщин вокруг.

— Мне нравится, что вы уже ремонтируете меня как старое пальто.

Лотта сказала:

— Старые пальто мы особенно хорошо ремонтируем.

— Тогда доверяю.

Они нашли полоску ткани. Ханна осторожно обмотала колено. Не туго. Ребекка несколько раз прошлась вдоль барака. Сначала медленно. Потом быстрее.

— Лучше?

— Немного.

— Не хромайте.

— Я стараюсь.

— Сильнее.

Ребекка остановилась.

— Ханна.

— Что?

— Я не могу силой перестать быть старше тебя.

Ханна замолчала. Ребекка смягчилась.

— Но завтра постараюсь.

Позже Ханна проверила свои страницы. Это уже стало привычкой перед любым событием, которое могло закончиться переводом или обыском. Часть была у неё. Часть у Лотты. Часть у Эстер. Ребекке после последних событий ни-

чего больше не отдавали. Теперь Ханна поняла, что именно это решение мучает её. Если завтра Ребекку отберут, у той не будет с собой ни одного листа.

— Что? — спросила Лотта.

— Ничего.

— Опять врёшь.

Ханна показала маленький клочок. На нём была записка о Ребекке. Берлин. Знала типографию Исаака. Её мать Клара получила от Рут книгу Гёте. Всю жизнь опаздывала.

— Думаю отдать ей.

Лотта сразу поняла.

— Нет.

— Почему?

— Ты сама решила не давать.

— Тогда было другое.

— Нет. Было ровно то же самое. Ты боялась, что её переведут.

Ханна посмотрела на спящую Ребекку.

— Именно поэтому.

Лотта тихо сказала:

— Если её завтра оставят, вернёшься и отдашь.

— А если нет?

— Тогда страница останется у тебя.

Ханна долго держала лист. Потом снова спрятала. Утро началось без завтрака. Женщин выгнали во двор. Было прохладно, хотя день обещал стать тёплым. Ханна стояла рядом

с Лоттой. Ребекка — через несколько человек. Эстер находилась в другом ряду.

Перед ними действительно стояли столы. За одним сидели люди в форме. Рядом — врач. Несколько помощников держали списки. Мужские группы уже проходили проверку на другой стороне двора. Ханна старалась не смотреть туда. Но видела грузовики. Пустые пока. Команда двигалась медленно. Женщин вызывали группами. Осматривали. Заставляли пройти несколько шагов. Иногда задавали вопрос о профессии. Иногда почти ничего.

После нескольких секунд указывали направление. Влево. Вправо. Ханна быстро заметила закономерность. Молодые и крепкие чаще шли в одну сторону. Пожилые, больные, очень худые — в другую. Она больше не смотрела на грузовики. Лотта прошептала:

— Если нас разделят...

— Не начинай.

— Нужно.

— Потом.

— Потом может не быть.

Ханна резко посмотрела. Лотта продолжила:

— Мои страницы у меня.

— Знаю.

— Если я уйду в другую группу, не пытайся идти за мной.

— Замолчи.

— Ханна.

— Я сказала — замолчи.

Лотта отвернулась. Через несколько секунд тихо сказала:

— Хорошо.

Ребекка стояла прямо. Слишком прямо. Ханна это видела даже со спины. Колено, вероятно, болело, но женщина не переносила вес с ноги на ногу. Никакого кашля. Никаких лишних движений. Когда ряд сделал шаг вперёд, Ребекка шагнула вместе со всеми. Почти ровно. Ханна почувствовала осторожную надежду. Первой вызвали Лотту.

— 31804.

Она вышла. Возраст. Работа. Швея. Руки. Повернуться. Пройти. Вернуться. Врач почти не задержался. Указал вправо. Лотта пошла. По пути оглянулась на Ханну и едва заметно подняла брови. Жива. По крайней мере сейчас. Следующей через несколько человек вызвали Ханну.

— 24731.

Она вышла сразу. Теперь номер не требовал усилия.

— Возраст?

— Девятнадцать.

— Работа?

— Швея.

— Болеешь?

— Нет.

Врач посмотрел лицо. Руки. Приказал открыть рот. Потом:

— Пройти.

Ханна прошла до отметки. Развернулась. Старалась не идти слишком быстро. Слишком большая старательность тоже могла привлечь внимание.

— Вправо.

Она пошла. Лотта ждала. Когда Ханна встала рядом, та выдохнула.

— Видишь?

— Тихо.

— Я молчу.

Теперь обе смотрели на Ребекку. Эстер прошла тоже. Её задержали дольше. Спросили возраст. Работу. Потом снова возраст. Врач что-то сказал другому мужчине. Ханна не слышала. Эстер держалась спокойно. Наконец ей указали вправо. Ханна почти закрыла глаза от облегчения. Оставалась Ребекка.

— Левин, Ребекка.

Она вышла. Ханна не услышала её номера. В этот момент цифра казалась совершенно ненужной. Врач спросил:

— Возраст?

Ребекка назвала. Он посмотрел внимательнее.

— Профессия?

— Работала в сортировке.

— Сейчас?

— Работаю.

— Где?

Она назвала команду.

— Жалобы?

— Нет.

— Иди.

Ребекка шагнула. Первый шаг — ровно. Второй. Третий. На четвёртом колено подвело. Совсем немного. Для постороннего человека это могло показаться обычным движением. Но врач заметил.

— Ещё раз.

Ребекка вернулась. Ханна сжала руку Лотты.

— Не надо, — прошептала та.

Ребекка пошла снова. Теперь хромота была видна сильнее. Врач указал на ногу.

— Что?

— Старая травма.

— Болит?

— Нет.

— Размотать.

Ханна почувствовала, как всё внутри опустилось. Ребекка замерла.

— Что?

— Повязку.

Помощница подошла и заставила показать колено. Ткань сняли. Врач осмотрел. Несколько секунд. Потом указал влево. Ханна шагнула вперёд. Лотта схватила её за руку.

— Нет.

— Там ошибка.

— Ханна.

— Она работает.

— Стой.

Ребекка посмотрела на них. Не на врача. Не на охрану. На Ханну. И очень медленно покачала головой. Не подходит. Ханна остановилась. Ребекка пошла влево. Следующих женщин Ханна почти не видела. Она смотрела туда, где собиралась вторая группа. Ребекка стояла среди них. Пожилые. Ослабевшие.

Несколько совсем молодых женщин, которых болезнь сделала старше. Одна поддерживала другую. Ребекка увидела Ханну. Улыбнулась. И показала пальцем на часы, которых у неё давно не было. Ханна сначала не поняла. Потом вспомнила. Всю жизнь опаздывала. Она закрыла рот рукой. Лотта отвернулась. Когда отбор закончился, рабочую группу приказали построить. Ханна не двигалась.

— Нам нужно туда, — сказала Лотта.

— Подожди.

— Нельзя.

— Я хочу поговорить.

— Не дадут.

Ребекка всё ещё была видна. Грузовики подъехали ближе. Ханна почувствовала, как Лотта тянет её.

— Ханна.

— Одну минуту.

— У нас нет минуты.

Охранник крикнул:

— В строй!

Они отошли. Ребекку Ханна больше не видела. Ни вечером. Ни на следующий день. Ни через неделю. Никто не сказал, куда увезли вторую группу. Ходили слухи. Одни говорили — в другой лагерь. Другие — в больничный барак. Третьи молчали. Эстер спросила знакомого мужчину. Вернулась мрачная.

— Что? — сразу спросила Ханна.

— Ничего точного.

— Что сказали?

— Что такие группы раньше не возвращались.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Ханна достала страницу Ребекки. Долго смотрела. Дата последней записи. Добавила: Летом 1944 года отобрана медицинской комиссией в Кайзервальде. Видела её живой во дворе лагеря после отбора. Куда увезли — не знаю. Карандаш остановился. Лотта сидела напротив.

— Напиши про часы.

Ханна посмотрела.

— Что?

— Последнее.

— Это не факт.

— Ты видела.

Ханна подумала. Добавила: Перед тем как нас увели в ра-

бочую группу, показала на запястье, будто смотрит на часы. Потом ниже: Ребекка всю жизнь опаздывала. Ханна закрыла лист.

Несколько дней после отбора лагерь был необычно тихим. Не буквально. Команды звучали так же. Работа продолжалась. Люди спорили из-за хлеба. Кто-то кашлял. Кто-то смеялся. Но свободных мест в бараках стало больше. На нарах Ребекки лежало чужое одеяло. Новую женщину поселили туда через два дня. Она ничего не знала.

— Здесь свободно? — спросила.

Эстер ответила:

— Теперь да.

Ханна вышла из барака. На улице Лотта догнала.

— Она не виновата.

— Я знаю.

— Тогда почему ушла?

— Потому что не хочу смотреть.

— На что?

— Как быстро место становится свободным.

Лотта не ответила. Они постояли у стены. Потом Ханна спросила:

— Ты думаешь, Ребекка жива?

Лотта не сказала привычное «может быть».

— Не знаю.

Это было лучше. Через несколько дней провели ещё одну проверку. Не такую большую. Несколько мужчин. Потом

женщин из другой команды. Каждый раз после слова комиссия Ханна чувствовала боль в животе. Теперь она начала наблюдать за собой. Вес. Кашель. Кожа. Руки. Сколько сил остаётся к вечеру. Она делила хлеб иначе. Не съедала всё сразу. Пыталась сохранять часть на утро, чтобы перед построением лицо не выглядело совершенно серым.

Эстер заметила.

— Бережёшься для комиссии?

— Да.

— Разумно.

— Ненавижу это.

— Можно ненавидеть и делать.

Сара прошла другую селекцию через неделю. Ханна узнала уже после. Она нашла её вечером.

— Вы прошли?

— Как видишь.

— Что спрашивали?

— Возраст.

— И?

— Соврала.

Ханна удивилась.

— Сколько?

— На пять лет.

— Поверили?

Сара пожала плечами.

— Или им было всё равно.

— Почему раньше не ввали?

— Раньше не спрашивали так.

Ханна смотрела.

— А если проверят документы?

— Тогда вспомню, что плохо считаю.

Она улыбнулась. Ханна не смогла.

— Ребекку забрали, — сказала она.

Сара уже слышала.

— Мне сказали.

— Мы не знаем куда.

— Понимаю.

— Она могла быть ещё полезной.

Сара внимательно посмотрела.

— Полезной кому?

Ханна замолчала. Слово было лагерным. Сама не заметила, как начала им пользоваться.

— Она могла работать, — исправила.

— Да.

— Значит, комиссия ошиблась.

Сара взяла её за руку.

— Возможно.

— «Возможно»?

— Ты хочешь, чтобы я сказала, что всё будет хорошо?

— Нет.

— Тогда не заставляй.

Летом стало ясно, что отборы связаны не только с состоя-

нием людей. Лагерь готовили к переменам. Рабочие команды сокращали. Одни внешние лагеря закрывались. Людей возвращали в Кайзервальд или переводили. В списках появлялись новые пометки. Всё чаще говорили о фронте. Красная армия приближалась к Латвии. Охрана стала нервнее. Документы перевозили. В некоторых помещениях жгли бумаги. Грузовики приходили чаще. Лотта однажды сказала:

— Нас отсюда увезут.

— Куда?

— На запад.

— Кто сказал?

— Все.

— Значит, никто.

Лотта усмехнулась.

— Ученица превзошла учителя.

Через несколько дней пришло подтверждение. Неофициальное, но достаточное. Женщина из канцелярской команды сказала Эстер:

— Готовят списки на транспорт.

— Куда?

— Не знаю.

— Когда?

— Скоро.

— Кого?

— Работоспособных.

Эстер рассказала вечером. Ханна сразу подумала о Ребек-

ке. Если комиссия отобрала людей, которых не собирались брать в эвакуацию, значит, времени оставалось мало. Она не произнесла это вслух.

В Берлине Эрнст тоже видел приближение фронта по бу-
магам. Латвия всё чаще появлялась в документах вместе со
словами об эвакуации, переносе предприятий и перемеще-
нии рабочей силы. Кайзервальд снова возник в одной из
справок. Фрау Шмидт заметила, что он задержался на стро-
ке.

— Ваш лагерь.

— Не мой.

— Я знаю.

Она подошла.

— Что там?

— Готовят эвакуацию.

— Заключённых?

— Похоже.

— Куда?

— В документе нет.

Эрнст листал дальше.

— Упоминается Данциг.

— Штуттгоф?

Он поднял глаза.

— Вы знаете?

— Слышала название.

— Я тоже.

Он записал на служебном листке: Riga — Danzig. Но в личную книжку пока не перенёс. Не хватало уверенности. Через неделю появился другой документ. Теперь связь была яснее. Перемещение заключённых морским транспортом. Рига. Данциг. Лагерная система в районе Штуттгофа. Эрнст почувствовал знакомое желание найти фамилии. В приложении их не было. Только количество. Он спросил:

— Есть списки людей?

Сотрудник ответил:

— Не у нас.

— Где?

— У СС.

— Можно запросить?

Мужчина посмотрел с удивлением.

— Зачем?

Эрнст понял, что ответа нет.

— Для сверки количества.

— Количество уже подтверждено.

На этом разговор закончился. Вечером он записал: Лето 1944. Имеются сведения о подготовке эвакуации заключённых из района Риги на запад, в направлении Данцига. Фамильных списков у меня нет. Потом открыл старую запись: Hanna Rosenfeld. Впервые подумал, что если девушка пережила Ригу, она могла оказаться в одном из лагерей. Кайзервальд. Рабочая команда. Другой лагерь. Он ничего не знал. Но теперь имя Ханны существовало для него отдельно от

транспортного списка.

Семнадцатилетняя девушка, которая много читала и однажды чуть не сбила соседку на лестнице. Ей сейчас должно было быть девятнадцать. Если она жива. Эрнст не записал последнее условие.

В Кайзервальде Ханна готовилась к неизвестному транспорту. Теперь главным вопросом снова стали страницы.

— Если на корабль, обыски будут, — сказала Эстер.

— Почему корабль?

— Говорят, по морю.

— Кто говорит?

— Человек, которому я верю.

Лотта посмотрела на Ханну.

— Опять делить?

— Уже поделено.

— Нужно меньше.

— Что значит меньше?

— Нельзя тащить всё.

Ханна знала. Но выбирать имена было невозможно.

— Кто решит, какие оставить?

Лотта ответила:

— Никто.

— Тогда?

— Сделаем мельче.

Несколько вечеров они переписывали самые повреждённые листы. Не полностью. Сокращали. Имя. Город. Послед-

няя известная дата. Одна отличительная деталь. Ханна ненавидела сокращение. Мирьям, которая плохо танцевала, превращалась в одну строку. Михаэль, воровавший картошку из супа, — в несколько слов. Йонас занимал больше остальных. Лотта заметила.

— У него много.

— Он мой брат.

— Я не упрекаю.

Ханна всё-таки сократила. Но историю с разбитым окном оставила. Не знала почему. Когда дошли до Ребекки, места почти не было. Ханна написала: Ребекка Левин, Берлин. Знала типографию Исаака. Отобрана комиссией летом 1944. Последний раз видела живой во дворе. Всегда опаздывала. Лотта прочитала.

— Хорошо.

Ханна спросила:

— А если она вернётся?

Лотта долго молчала.

— Тогда сама посмеётся, что ты поспешила с записью.

Ханна сложила лист.

— Пусть смеётся.

Последняя селекция перед большим движением произошла внезапно. Ханну снова вывели во двор. Снова комиссия. Снова пройти. Повернуться. Показать руки. На этот раз всё заняло меньше минуты.

— Работает?

— Швея.

— Здорова?

— Да.

— В транспорт.

Слово прозвучало буднично. Ханна отошла. Лотта прошла следом. Эстер — тоже. Сара появилась в той же группе позже. Ханна увидела её и впервые за несколько недель почувствовала настоящее облегчение. Они были в одном списке. Пока.

Вечером Ханна записала только две строки: Отобрана как трудоспособная для эвакуации из Кайзервальда. Лотта, Эстер и Сара также в транспортной группе. О Ребекке новых сведений не было. Она ещё несколько секунд держала карандаш. Потом добавила: Не забыть спросить о ней, если встретятся люди из другой группы. Сложила лист.

На следующий день им приказали готовиться к отправке.

Глава 39

На запад

Кайзервальд — Рига — Балтийское море, август 1944 года

Их разбудили ещё ночью. Не свистком и не обычной командой на построение. Дверь барака распахнулась, вспыхнул фонарь, и чей-то голос приказал:

— Подъём! С вещами! Через десять минут наружу!

Первые секунды никто не понял. Потом барак ожил сразу.

Женщины спускались с нар, искали обувь, торопливо складывали одеяла, хотя не знали, нужно ли их брать. Кто-то спрашивал, куда отправляют. Ответа не было. Ханна села. Сон исчез мгновенно. Лотта уже натягивала куртку.

— Началось.

— Похоже.

— Страницы?

Ханна машинально коснулась одежды.

— Здесь.

Эстер спустилась с нижних нар.

— Не проверяй сейчас.

— Почему?

— Потому что половина барака смотрит друг на друга именно так.

Ханна убрала руку. Сара появилась у входа через несколько минут. Её барак тоже подняли.

— Вы с нами? — спросила Ханна.

— Пока да.

Слово никому не понравилось, но другого не было. Разрешили взять только то, что человек мог нести сам. У Ханны вещей почти не осталось. Ложка. Кусок ткани. Платок. Небольшой хлебный кусок, сохранённый с вечера. И записи. Теперь они занимали меньше места, чем раньше. За последние недели Ханна переписала часть на мелкие клочки. Что-то осталось у Лотты, несколько страниц у Эстер. Сара носила собственный фрагмент с именами Давида, Мирьям и Арона,

хотя Ханна держала копию.

Они ещё раз договорились:

— Если нас разделят, — сказала Ханна, — не ищите друг друга во время построения.

Лотта усмехнулась.

— Ты сама в это веришь?

— Нет.

— Хорошо.

— Просто не делайте ничего сразу.

Эстер кивнула.

— Сначала понять, куда попали.

Сара добавила:

— И кто рядом.

— И только потом...

Ханна не договорила. Из прохода крикнули:

— Выходить!

Во дворе стояли сотни людей. Мужчины отдельно. Женщины отдельно. Светало. Над лагерем висел серый туман, в котором колючая проволока казалась почти чёрной. Ханна раньше много раз представляла уход из Кайзервальда. Иногда — освобождение. Иногда — побег. Иногда просто перевод в место, которое невозможно было представить. Но теперь, когда ворота действительно собирались открыть, она не чувствовала облегчения. Кайзервальд был лагерем.

И всё же внутри его устройства они уже знали, где спать, где получать еду, где искать друг друга после работы. За во-

ротами снова начиналось неизвестное. Списки читали долго. Номер. Фамилия. Номер. Фамилия. Ханна услышала:

— 24731!

— Здесь!

Теперь отзывалась сразу. Через несколько минут:

— Нойман!

Лотта подняла руку. Эстер была в списке. Сара тоже. Ханна мысленно отмечала каждую. Четыре. Пока четыре. Перед выходом провели ещё один обыск. На этот раз быстрее, но грубее. Женщин заставляли открывать узлы, выворачивать карманы, снимать верхнюю одежду. Ханна чувствовала страницы на теле. Под подкладкой куртки лежала часть семейных записей. В подгибе юбки — имена из Риги. Самые короткие листы она завернула в тонкую ткань и закрепила у пояса.

Одна из охранниц проверяла швы. Ханна увидела и похолодела.

— Следующая!

Подошла женщина перед ней. Куртку ощупали. Карман распорол ножом. Выпал кусок хлеба. Охранница бросила его на землю. Женщина посмотрела вниз. Ничего не сказала.

— Дальше!

Теперь Ханна.

— Куртку.

Она сняла. Охранница провела руками по рукавам, воротнику, боковым швам. Ханна смотрела на стену. Пальцы про-

шли там, где раньше был тайник. Пусто. Она специально перенесла бумаги в другое место. Охранница перешла к юбке. Ханна почувствовала, как напряглись ноги. Но проверка закончилась.

— Дальше.

Она взяла куртку. Лотта ждала в нескольких шагах.

— Всё?

— Да.

— У меня тоже.

Эстер появилась позже. Сара последней. Все четверо. Ворота открыли. Колонна двинулась. Ханна не обернулась сразу. Только когда они прошли достаточно далеко. За проволокой оставались бараки. Вышки. Дорога. Место, которое она ненавидела и в котором всё же оставила часть жизни. Ребекку. Возможно, навсегда.

Несколько спрятанных когда-то страниц в стене, если их никто не нашёл. Ханна вспомнила.

— Подождите.

Лотта посмотрела.

— Что?

— В бараке.

— Что?

— Листы в стене.

Они обе замерли на ходу. Эстер слышала.

— Вы их не забрали?

Ханна закрыла глаза. Нет. Во время последних переписыв-

ваний она думала, что вынула всё. Но теперь вспомнила: два старых фрагмента так и остались за доской.

— Какие?

— Даты. Несколько имён.

— Кто?

Ханна пыталась вспомнить.

— Марта Штайн... кажется. И ещё...

Охранник крикнул:

— Не отставать!

Эстер сказала:

— Поздно.

Ханна пошла. Каждые несколько шагов в голове всплывала доска у стены. Вернуться невозможно.

— Я забыла.

Лотта ответила:

— Да.

— Там люди.

— Там бумага.

Ханна резко посмотрела. Лотта не отвела взгляд.

— Имена у тебя в голове?

— Некоторые.

— Значит, перепишешь.

Ханна ничего не сказала. Но начала повторять. Марта Штайн. Вена. Текстильный магазин. Шутила про иглы. Потом ещё одно имя. И ещё. Пока помнила. Их вели к Риге. Часть пути прошли пешком, затем людей погрузили в маши-

ны. Теснота была такой, что сидеть могли не все. Ханна стояла, прижатая плечом к Лотте. Эстер держалась за деревянный борт. Сара почти не говорила. Город приближался. Ханна узнавала улицы. Не все. Но достаточно. Рига существовала.

Трамваи. Дома. Люди, которые шли по своим делам. Женщина несла корзину. У подъезда мальчик возился с велосипедом. Обычная жизнь двигалась в нескольких метрах от грузовиков с заключёнными. Ханна смотрела, пока можно было. Потом улицы сменились портовыми складами. Запах воды стал сильнее.

— Море? — спросила Лотта.

— Река, — сказала Сара.

— Потом море.

Ханна вспомнила Йонаса. А где море? Он спрашивал на станции в Риге в январе сорок второго. Отец ответил: Не здесь. Теперь море действительно было впереди. Ханна почувствовала тошноту. Не от дороги. От совпадения. В порту стояли корабли. Не один. Людей выводили группами и снова пересчитывали. Охрана была нервной. Команды повторялись громче обычного. Где-то работали краны. Пахло водой, углём, металлом и мазутом. Ханна впервые увидела море не как то, что обещает дорогу куда-нибудь.

Оно было частью транспорта.

— Куда? — спросила кто-то рядом.

— Данциг, — ответил мужчина.

Другой сказал:

— Штуттгоф.

Название прошло по толпе. Некоторые знали. Большинство нет.

— Это лагерь? — спросила Лотта.

Эстер кивнула.

— Да.

— Хороший?

Эстер посмотрела.

— Лотта.

— Я знаю.

Шутить уже не получалось. Погрузка продолжалась часами. Людей загоняли в трюм и нижние помещения судна. Ханна сначала думала, что останется на палубе. Нет. Их группу направили вниз по узкой лестнице. Там было темно. Запах людей усиливался с каждой минутой. Пол был металлический или деревянный — Ханна не могла понять под ногами. Вокруг садились, где находили место.

— Держитесь вместе, — сказала она.

Лотта засмеялась нервно.

— Сейчас очень подходящий совет.

Эстер села у стены. Сара рядом. Ханна устроилась между ними. Четыре. Она снова пересчитала. Когда судно двинулось, это сначала почувствовали по вибрации. Потом по звуку. Потом помещение слегка накренилось. Кто-то заплакал. Кто-то начал молиться. Женщина рядом сказала:

— Мы в море.

Никто ей не ответил. Первые часы прошли терпимо. Потом стало душно. Людей было слишком много. Воздуха не хватало. Некоторых вывели наверх ненадолго, потом загнали обратно. Воды давали мало. Ханна сэкономила. Лотта злилась.

— Пей.

— Потом.

— Ты всегда говоришь потом.

— Потому что не знаю, когда дадут ещё.

— Если упадёшь, страницы мне не нужны.

Ханна посмотрела.

— Это угроза?

— Да.

Она сделала глоток. Сара переносила качку хуже. Сначала молчала. Потом её начало тошнить. Ханна держала за плечо.

— Всё нормально.

— Не говори глупости.

— Хорошо.

— Ничего не нормально.

— Согласна.

Сара закрыла глаза.

— Так лучше.

Эстер дала ей немного воды. В какой-то момент Лотта спросила:

— Если корабль потонет, что будет с книгой?

Ханна резко повернула голову.

— Зачем ты это сказала?

— Не знаю.

— Никогда так больше не говори.

Лотта помолчала.

— Хорошо.

Но мысль уже появилась. Вода. Бумага. Даже если страницы останутся при ней, море уничтожит их за минуты. Ханна машинально коснулась одежды. Эстер заметила.

— Не думай.

— О чём?

— Именно.

Ночью никто не понимал, сколько времени прошло. Света почти не было. Люди спали сидя. Просыпались. Менялись местами. Кто-то просил воды. Кто-то звал мать. Одна женщина рядом бесконечно повторяла адрес в Либаве. Улица. Дом. Квартира. Снова. Снова. Ханна прислушалась.

— Зачем она?

Сара открыла глаза.

— Чтобы не забыть.

— Она и так знает.

— Поэтому и повторяет.

Ханна вспомнила собственный берлинский адрес. Произнесла про себя. Улица. Дом. Квартира. Потом имя отца. Матери. Йонаса. Утром разрешили небольшой группе подняться на палубу. Ханна оказалась среди них вместе с Лоттой.

Сара и Эстер остались внизу. Когда она вышла, свет ослепил. Море было серым. До горизонта. Никаких улиц. Никакой проволоки.

Несколько минут Ханна просто смотрела. Лотта встала рядом.

— Красиво.

Ханна не ответила.

— Можно же сказать.

— Что?

— Что красиво.

— Здесь?

— Море ни при чём.

Ханна посмотрела на неё. Это была очень Лоттина фраза. Она улыбнулась.

— Да.

Ветер был холодным и сильным. Впервые за много месяцев вокруг не было стены. Но стояла охрана. На палубе Ханна увидела Ригу далеко позади. Или ей показалось, что видит. Город становился полосой. Она пыталась понять, где Кайзервальд. Где Румбула. Где прежнее гетто. Ничего различить было нельзя. Вся география двух последних лет исчезала за линией берега.

— Ты вернёшься? — спросила Лотта.

— Куда?

— В Ригу.

Ханна подумала.

— Не знаю.

— Я тоже.

— Ты из Гамбурга.

— Теперь уже не уверена, откуда.

Ханна повернулась. Лотта сказала:

— Не в смысле, что забыла.

Она смотрела на море.

— Просто человек столько времени живёт в местах, которые не выбирал, что прежний город начинает казаться рассказом о ком-то другом.

Ханна не ответила. Она понимала. Их снова загнали вниз. Сара спросила:

— Что видно?

— Море.

— Очень содержательно.

— Серое.

— Уже лучше.

Лотта сказала:

— И свободное.

Эстер подняла брови.

— Не начинай.

— Я просто про воду.

Дорога заняла несколько дней. Ханна перестала различать часы. Главным становилось простое. Вода. Место, где можно сидеть. Возможность подняться. Не потерять друг друга. Проверить, что страницы всё ещё сухие. Один раз начался

дождь, когда Ханна была на палубе. Она испугалась сильнее, чем ожидала. Сразу прикрыла куртку. Лотта увидела.

— Господи, Ханна.

— Что?

— Ты боишься дождя из-за бумаги.

— Да.

— Тогда отдай часть мне.

— У тебя уже есть.

— Значит, Эстер.

— У неё тоже.

— Сара.

Сара сказала:

— Мне хватит моих.

Ханна поняла. Не нужно снова распределять. Нужно просто беречь. Однажды ночью они слышали далёкие взрывы. Судно изменило ход. Люди заговорили. Воздушная атака? Мины? Фронт? Никто не знал. Команды сверху звучали резко. Ханна подумала о том, что может умереть здесь, в закрытом трюме, не зная даже, где именно находится. Эта мысль оказалась неожиданно важной. Не смерть. Место. Если корабль погибнет, в книге нельзя будет написать последнюю дату.

Никто не будет знать, где они исчезли. Она достала карандаш. Лотта схватила за руку.

— Ты сошла с ума?

— Нужно записать.

— Сейчас?

— Да.

— Темно.

— Я на ощупь.

— Что?

Ханна написала на маленьком листке, почти не видя:

Август 1944. Вывезены из Риги морем на запад. Говорят

— через Даницг в Штуттгоф. На борту: Ханна Розенфельд, Лотта Нойман, Эстер Кац, Сара Вайнберг.

Лотта прочитала позже при слабом свете.

— «Говорят».

— Мы не знаем точно.

— Конечно.

Она вернула лист.

— Теперь можешь умирать спокойно?

Ханна посмотрела. Лотта сразу пожалела.

— Прости.

— Ничего.

— Плохая шутка.

— Очень.

Через минуту Ханна добавила:

— Но я всё равно не собираюсь.

— Что?

— Умирать.

Лотта кивнула.

— Тогда договорились.

Когда показалась суша, люди поняли по движению команды ещё до объявления. Судно замедлилось. Сверху доносились новые голоса. Кто-то сказал:

— Данциг.

Кто-то:

— Уже приехали.

Сара поправила платок.

— «Приехали» — хорошее слово.

— Почему?

— Потому что обычно после него выходят.

Они ждали ещё долго. На берег выводили партиями. Ханна поднялась по лестнице и впервые увидела незнакомый порт. Данциг. Краны. Склады. Суда. Немецкая речь вокруг звучала почти привычно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.